

Следующий пример можно охарактеризовать как интересный и неоднозначный.

...when sparkling stars twire not thou gild'st the even. But day doth daily draw my sorrows longer and night doth nightly make grief's strength seem stronger. (Сонет 28). С одной стороны, данный афоризм является абсолютно синтаксически и семантически независимым, располагается в конце сонета, как бы подводя итог всему вышеизложенному и, будучи выделенным из текста, никак не изменяет его ни с точки зрения структуры, ни с точки зрения содержания. С другой стороны, нельзя не отметить наличие трансформационного приема конкретизации с использованием притяжательного местоимения *my*, что указывает на некоторое изменение общего смысла изречения в контексте и тот факт, что в исходном афоризме данное местоимение вряд ли может быть использовано (только в определенной ситуации, узко очерченной ситуации).

...the very part was consecrate to thee: the earth can have but earth, which is his due. (Сонет 74). Афоризм *The earth can have but earth* встроен в контекст в интерпозиции при помощи как союзной, так и бессоюзной связи.

My spirit is thine, the better part of me... (Сонет 74). Афоризм — *Spirit is the better part*. В данное высказывание легко «вкрапляются» любые личные и притяжательные местоимения (например: “His/her spirit is the better part of him/her”) либо существительного “man” (“...the better part of man”), что подтверждает возможность использования соответствующего афоризма в различных, часто повторяющихся ситуациях. Поэтому этот афоризм следует отнести к контекстуально зависимому высказыванию, сопровождающему конкретизацией субъекта при помощи притяжательных местоимений.

...from sullen earth, sings hymns at heaven's gate; for thy sweet love remember'd such wealth brings, that then I scorn to change my state with kings. (Сонет 29). Афоризм *Sweet love such wealth brings, that then one scorns to change his state with kings* по своей семантике и грамматической структуре схож с предыдущим. Здесь также в афоризме «вплетены» личные и притяжательные местоимения, однако значение данного речевого образования не меняется в случае их изъятия либо замены на другие местоимения или даже существительные. В индивидуально-авторском афоризме, вероятно, должно использоваться неопределенно-личное местоимение *one*, что и способствует формированию семантики обобщения действительности.

В целом афористические высказывания, содержащиеся в сонетах У. Шекспира, можно подразделить на три основные группы: або-

7. АНГЛІСТИЧЕСКІЕ ІССЛЕДОВАНИЯ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

лютно автономные, относительно автономные и контекстуально-зависимые афористические высказывания [2, с. 161].

Таким образом, при выделении афоризмов из авторского контекста необходимо обращать внимание на грамматическую, лексическую и синтаксическую структуру предложения (наличие личных и притяжательных местоимений, союзы, предлоги, модальные глаголы, междометия и пр.). Именно структура предложения является «рамкой», в которую заключено афористическое высказывание. Можно предположить, что данная характеристика афористических высказываний по способу их выделения из авторского контекста может применяться не только при анализе сонетов У. Шекспира, но и произведений других авторов, как англоязычных, так и русскоязычных.

Література

1. Глуханько, Л. В. Афоризм как феномен языка и речи / Л. В. Глуханько // Science Looks Ahead: зб. наук. статей / укл.: Л. О. Бекрешева, В. Е. Краснопольский. – Луганськ: Ноулідж, 2014. – Вип. I. – С. 26–28.
2. Глуханько, Л. В. Способы употребления афористических единиц в сонетах Уильяма Шекспира / Л. В. Глуханько // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь / редкол.: Н. М. Савченко (ред.) [и др.]. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 160–164.
3. Глуханько Л.В. Semantic Variety of Aphorisms in William Shakespeare's Sonnets / Л. В. Глуханько // Романовские чтения – ХІІІ / под ред. А.С. Мельниковой – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 144–145.
4. Иванов, Е. Е. Афоризм в тексте и вне текста: семантика и структура / Е. Е. Иванов // Текст. Язык. Человек: сб. науч. трудов: в 2 ч. / отв. ред.: С. Б. Кураш, В. Ф. Русецкий. – Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2007. – Ч. 1. – С. 29–32.
5. Иванов, Е. Е. Автономность афоризма в тексте (на материале произведений У. Шекспира) / Е. Е. Иванов, Е. Г. Тесленко // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А, Гуман. науки. – 2013. – № 10. – С. 86–90.

УДК 821.161.3-16

Д. Я. Жылінская, студ.
Нав. кір: У. І. Куліковіч, канд. філал. навук
(БДТУ, г. Мінск)

ВЕГЕТАТЫЎНЫ КОД ПАЭЗІ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА

У сярэдзіне XX ст., калі літаратура перастае быць проста мастацтвам слова, а становіцца яшчэ і навукай, італьянскі пісьменнік, даследчык Умберто Эка распрацоўвае паняцце літаратурнага кода, г. зн. своеасаблівага ключа да разумення літаратурнага твора, сукупнасць вобразу і паняцця, за

якім замацавана пэўнай сімволіка. Літаратурны код дапамагае расшыфраваць сапраўдны, глыбінны сэнс твора, яго знакі, персанажаў, сюжэты.

Чалавецтва ва ўсе часы карысталася пэўнай сімволікай, веданне якой –абавязковое патрабаванне для любога культурнага чалавека. Прывядзём самы просты прыклад колеравай сімволікі: вы трапляеце ў адну з краін Далёкага Усходу і бачыце, што ўсё вакол аздоблена белым колерам: адзенне людзей, будынкі, кветкі. Вы міркуеце, што ў краіне святочныя мерапрыемствы. Аднак варта ўспомніць, што белы колер на Усходзе – гэта колер смутку, жалобы, смерці. Ведаючы колеравы код гэтай краіны, можна правільна і адекватна зразумець сітуацыю.

У літаратурны паняцце кода рэалізуеца аналагічным чынам. Разуменне сімволікі вобразуў дазваляе найбольш правільна знайсці адказ на класічнае пытанне: “Што сапраўды хацеў сказаць аўтар?”

Існуюць розныя тыпы літаратурных кодаў: зааморфны, аламорфны, фітаморфны, або вегетатыўны, і іншыя. Якраз апошняму тыпу кодаў і прысвечана наша даследаванне [1; 6], мэта якой – расшыфроўка сімвалічных сэнсаў, замацаваных за раслінамі ў паэтычнай спадчыне У. Каараткевіча.

Для даследавання мэты былі вырашаны наступныя задачы:

– знаёмства з поўнай паэтычнай спадчынай Уладзіміра Каараткевіча і вычляненне з вершаваных тэкстаў лексем-найменін раслін, кветак, дрэў;

– падлік частотнасці ўжывання фітонімаў;

– аналіз лексем-фітонімаў на прадмет сэнсавай нагрузкі, расшыфроўка іх сімвалічнага сэнсу.

Аб'ектам даследавання стала ўся паэтычная спадчына Уладзіміра Каараткевіча, а гэта 334 вершы, змешчаны ў першым томе 8-томнага зборніка твораў аўтара 1984 года выдання. Прадметам даследавання сталі назвы раслін, кветак, дрэў, якія сустракаліся ў паэтычных тэкстах.

Пры правядзенні даследавання былі выкарыстаны методы наўзірання, аналізу, статыстычнага падліку, абагульнення.

Тэма работы досыць актуальная, паўстае як выклік тэндэнцыям сучаснага літаратуразнаўства, калі за кожным літаратурным творам стаіць не проста захапляльны сюжэт, але і цэлы космас асобы аўтара, яго светапогляд, сістэма каштоўнасцяў і творчых пошукаў. Чытач сέня – гэта не пасіўны гартальнік старонак, гэта суразмоўца, які здолыны ў той ці іншай ступені трансліраваць свае веды сочыуму. Асабліва гэта актуальна ў інтэрнэт-прасторы, якая пульсует жыццем цэлай планеты.

Мяркую, што тэма досыць новая для беларускага літаратуразнаўства, бо пры правядзенні даследавання не сустрэла ні аднаго арты-

7. ЛІНГВІСТИЧСКІЕ ІССЛЕДОВАНИЯ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

кула, які б тычыўся вегетатыўнага кода ў беларускай літаратуре. Сустрэкаліся толькі адзінкавыя работы пра вобраз шыпішыны ў прозе У. Каараткевіча і вобраз жытва ў Н. Гілевіча.

Вынікі даследавання. Вегетатыўны (або фітаморфны) код – гэта выкарыстанне ў літаратуры сімволікі раслін і дрэў, надзяленне пэўнай расліны асобым значэннем.

Пры аналізе і падліку не ўлічваліся назвы гародніны, якія ў мастацкім тэксце выкарыстоўваліся ў значэнні “найменне ежы” – а гэта, морква, капуста, бурак, бульба.

Згодна з задачамі даследавання былі выпушчаны цытаты, у якіх выкарыстоўваліся назвы раслін, кветак, дрэў. Усяго было выпушчана 448 цытат. Найпростае арыфметычнае дзяленне дзяленьня дае каэфіцыент 1,3. А гэта значыць, што назва расліны ўжыта ў сярэднім у кожным вершы Каараткевіча, а значыць фітаморфізм з'яўляецца прыкметай творчага стылю аўтара, пэўнай заканамернасцю ўжывання слова.

Вегетатыўным кодам Радзімы ў творах У. Каараткевіча выступае дуб, бяроза, пальмы.

“А вакол травіцы роснай рай
І бярозак белая сям’я.
Мой чароўны беларускі край,
Бацькаўшчына белая мая!” (“Бацькаўшчына”) [3;37].
“Усе шляхі прыводзяць не да Рыма,
А да родных дубоў і бароз” (“У дніпроўскіх хвалях, бы ў
кальцы...”) [3;40].

“Малая” радзіма “закадзіравана” ліпай, таполяй, грушай, а хвоя і сасна – арганізоўваюць родныя краівы.

“Зямля дзядоў! Гудуць на ліпах пчолы,
За штосьці птушкі сварацца ў садах.
Вось дом стary. Два клёны і таполя,
Як стaryki, аперліся на дах” (“Зямля дзядоў”) [3;317].

Вегетатыўны код чалавечкі адносін рэалізуеца праз вобраз каштана і явара, як нешта квітнеючае, маладое, часам самотнае. Палымянае, “шалёнае” хаканне выражана вобразамі бэзу.

“Каштаны квітнелі вясной,
Хаваў нас бэзлавы дым,
І былі мы з ёю – адно, адно
І ніколі не будзе адным” (“Юнацтва маёў”) [3;257].
“І канец пазмы журботнай,
Так журботнай, што плача сусвет
Пра магутны і горды явар.
Пра каліны ласкавы цвет” (“Явар і Каліна”) [3;219].

Фітаморфы ў пээзіі У. Каараткевіча дазваляюць стварыць атмасферу замежных, экзатычных краін, перадаць дух культуры і эстэтыкі незнаёмага народа.

Література

1. Дмитриева, Ю. Л. Средства объективации фитоморфного кода русской лингвокультуры в произведениях С. Есенина. – Рэжым доступу: /http://ea.donnu.org:8080/bitstream/123456789/34168/1/Dmitrieva%202019%281%29.pdf.
2. Исмаилова, Н. А. /Вегетативный код поэтической книги Б. Пастернака «Когда разгуляется». – Рэжым доступу: https://docplayer.ru/88208176-Vegetativnyy-kod-poeticheskoy-knigi-b-l-pasternaka-kogda-razgulyaetsya-obraz-lipy-annotatsiya.html.
3. Караткевич У. Збор твораў: у 8 т. Т.1. Вершы, пазмы / У. Караткевич. – Мінск: Mast. літ., 1987, 434 с.
4. Краткая энциклопедия символов. [Электронный ресурс] – Рэжым доступу: http://www.symbolarium.ru/index.php/Краткая_энциклопедия_символов. – Да-та доступу: 06.03.2020.
5. Фокин П. Литературовидение // Лікбез. 2003. № 5—6. Рэжым доступу: http://www.lkbz.ru/archive/zine_number1172/zine_critics1176/publication1195. – Дата доступу: 25.02.2020.

УДК 811.111'36

С. П. Зубрый, ст. преп., маг. филол. наук
Н. Д. Голякевич, ст. преп.
(МГУ имени А.А. Кулешова, г. Могилев)

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Тестовые задания являются одной из наиболее эффективных форм контроля знаний, а также могут использоваться для самоконтроля при выполнении студентами и учащимися самостоятельной работы. Но данная форма контроля используется не только для проверки и контроля уровня знаний, в учебном процессе они используются для выполнения ряда важных функций в учебном процессе, таких как диагностическая, обучающая, развивающая и многие другие. Одно из главных достоинств теста — это его быстрота и оперативность в процессе обучения, критерии оценок блюсят объективный характер и данная форма контроля легко может быть использована при работе с интернет-ресурсами. Все вышеизложенные факты говорят о том, что тестирование является наиболее эффективной формой учебной деятельности.

К сожалению, использование тестовых заданий недостаточно широко применяется при преподавании в высших учебных заведениях и их разработка происходит крайне медленно, несмотря на очевидные преимущества по сравнению с другими формами контроля знаний, так как количество специальных учебных изданий с тестами по теории и практике английского языка явно недостаточно, хотя они играют важную роль при

7. АНГЛІСТИЧСКІЕ ІССЛЕДОВАНИЯ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

преподавании практики языка как иностранного [1]. Контроль умений и навыков по практической грамматике английского языка включает в себя следующие требования: а) регулярное проведение контроля грамматических навыков, который способствует формированию у студентов осознания необходимости регулярной и систематической работы над языком; б) всестороннюю проверку, в) дифференцированный подход при контроле, т. е. учет трудностей в усвоении грамматического материала конкретным студентом, г) объективность контроля. При использовании тестов в процессе обучения все эти требования выполняются в полной мере. При помощи тестов возможно не только работать над закреплением материала, но также при формировании грамматических навыков [3].

Практика показывает, что при применении тестов в процессе закрепления грамматического материала грамматический навык оказывается гораздо прочнее, чем при отсутствии регулярного использования тестов, а при проверке сформированных грамматических навыков преподаватель получает наиболее реальную картину знаний учащихся, что даёт возможность в дальнейшем провести такую корректировку учебного процесса, чтобы наиболее полно устранить пробелы в их знаниях. Если рассматривать тест как форму учебной деятельности при изучении иностранного языка, то очевидно, что он свободен от многих недостатков, свойственных, например, устному опросу в аудитории или письменной работе на занятиях. Письменная работа — это трудоёмкая и не оперативная форма проверки знаний, при устном опросе тратится масса времени и обе эти формы контроля являются субъективными при оценке знаний, так как в данном случае очень часто присутствует личное отношение преподавателя к студенту и оценка не всегда бывает положительной.

При выборе видов тестовых заданий целесообразно руководствоваться тем практическим соображением, что правильно выбранный вид тестов играет решающую роль в повышении эффективности тестового испытания, в обеспечении адекватности поставленной цели полученным результатам. Для того, чтобы проведение теста было эффективным, необходимо соблюдать определённые требования. Прежде всего необходима регулярность проведения теста и контроля сформированности знаний и умений для формирования устойчивых навыков. Так же необходим всесторонний контроль, который возможен только при систематической проверке всех учащихся. Для ликвидации трудностей в овладении грамматическим материалом необходимо соблюдать дифференциальность при составлении и проведении тестов. И для обеспечения в полной мере метода тестирования требуется соблюдать объективность контроля.